

IJTIMOIIY-GUMANITAR SOHADA ILMIIY-INNOVATION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNALI

ISSN 3060-5059

VOL.3 № 4

2026

V. S. MAKANINNING “KAVKAZSKIY PLENNIY” HIKOYASIDA GO‘ZALLIK MOTIVI VA TANLOV ETIKASI

Pak Galina En-Unovna

University of Business and Science, dotsent

Annotatsiya

Mazkur maqolada V. S. Makaninning “Kavkazskiy plenny” hikoyasi zamonaviy harbiy proza namunasi sifatida tahlil qilinadi hamda unda an’anaviy “kavkaz asiri” motivining qayta talqini yoritiladi. Tadqiqot markazida go‘zallik motivi turib, u urush sharoitida o‘zining qutqaruvchan funksiyasini yo‘qotib, axloqiy sinov shakliga aylanadi. Qahramonning tabiat va asir yigit go‘zalligini anglash qobiliyati zo‘ravonlikning oldini olmay, aksincha, tanlovni ongli va fojiali mas’uliyatli qiladi. Natijada go‘zallik matnda taskin emas, balki zo‘ravonlikni bekor qila olmaydigan, ammo uni axloqiy jihatdan eslatuvchi omil sifatida talqin qilinadi.

Kalit so‘zlar: V. S. Makanin, “Kavkazskiy plenny”, harbiy proza, kavkaz matni, go‘zallik motivi, asirlik, tanlov etikasi, degumanizatsiya.

МОТИВ КРАСОТЫ И ЭТИКА ВЫБОРА В РАССКАЗЕ В. С. МАКАНИНА «КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННЫЙ»

Пак Галина Ен-Уновна

University of Business and Science, доцент

Аннотация

В статье анализируется рассказ «Кавказский пленный» В. С. Маканина как произведение новейшей военной прозы, переосмысляющее традиционный мотив «кавказского пленника». В центре внимания — мотив красоты, который в условиях войны утрачивает спасительную функцию и становится формой нравственного испытания. Показано, что способность героя видеть красоту природы и пленного юноши не предотвращает насилие, а делает выбор осознанным и трагически ответственным. Делается вывод о том, что красота в тексте выступает не утешением, а этическим напоминанием, не способным отменить насилие.

Ключевые слова: В. С. Маканин; «Кавказский пленный»; военная проза; кавказский текст; мотив красоты; плен; этика выбора; дегуманизация.

THE MOTIF OF BEAUTY AND THE ETHICS OF CHOICE IN VLADIMIR MAKANIN’S SHORT STORY “THE CAUCASIAN PRISONER”

Pak Galina En-Unovna

University of Business and Science, Associate Professor

Abstract

The article analyzes the short story “The Prisoner of the Caucasus” by a work of contemporary war prose that reinterprets the traditional motif of the “Caucasian captive.” The focus is placed on the motif of beauty, which, under conditions of war, loses its salvific function and becomes a form of moral trial. It is shown that the protagonist’s ability to perceive the beauty of nature and the captive youth does not prevent violence but makes the choice conscious and tragically responsible. The article concludes that beauty in the text functions not as consolation but as an ethical reminder incapable of cancelling violence.

Keywords: V. S. Makanin; «The Prisoner of the Caucasus»; war prose; Caucasian text; motif of beauty; captivity; ethics of choice; dehumanization.

Рассказ «Кавказский пленный» В. С. Маканина занимает особое место в современной русской прозе о войне, поскольку переосмысливает традиционный для русской литературы «кавказский» сюжет не в героико-романтическом, а в этико-экзистенциальном ключе. Автор сознательно вступает в диалог с классической традицией (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой), однако разрушает привычную модель «плена» как испытания, ведущего к нравственному росту или освобождению. В тексте Маканина плен становится пространством предельного нравственного выбора, в котором эстетическое, этическое и телесное оказываются неразрывно связаны.

В центре повествования — военный эпизод, лишённый внешнего драматизма и героического пафоса. Однако именно эта кажущаяся «обыденность» войны позволяет автору сконцентрировать внимание на внутренних механизмах насилия и ответственности. Маканин отказывается от масштабных батальных сцен, сосредотачиваясь на малых деталях: способе называния героев, взгляде на красоту природы и человека, телесном контакте, финальном жесте убийства. Эти детали образуют сложную смысловую систему, в которой война предстает не как историческое событие, а как состояние сознания.

Особое место в рассказе занимает мотив красоты, который приобретает принципиально иную функцию по сравнению с классической традицией. Красота здесь не утешает и не спасает, а, напротив, усиливает трагизм ситуации, становясь формой нравственного испытания. Способность героя видеть красоту мира и пленного юноши не предотвращает насилие, а делает его осознанным и потому особенно тяжёлым. Таким образом, эстетическая категория включается в структуру этического конфликта и требует отдельного научного анализа.

Актуальность исследования рассказа «Кавказский пленный» В. С. Маканина связана с устойчивым интересом современной гуманитарной науки к проблематике войны, нравственного выбора и ответственности личности в экстремальных условиях. Произведение сосредоточено на внутреннем измерении военного опыта и демонстрирует трансформацию гуманистических ориентиров в ситуации насилия. Особую роль в этом контексте играет мотив красоты, функционирующий как форма нравственного напоминания, не обладающая спасительной силой. Анализ данного мотива позволяет углубить понимание этических и антропологических аспектов новейшей военной прозы.

В работе используются следующие методы литературоведческого анализа: структурно-семантический анализ, позволяющий выявить смысловую нагрузку художественных деталей; мотивный анализ, направленный на изучение роли мотива красоты и плена в тексте; интертекстуальный подход, применяемый при сопоставлении рассказа Маканина с классической традицией «кавказского пленника»; элементы нарратологического анализа, включающие рассмотрение фокализации и повествовательной стратегии; сравнительно-типологический метод, используемый для выявления новаторства авторского решения.

Рассказ «Кавказский пленный» В. С. Маканина достаточно рано стал объектом филологического осмысления и был включён в широкий контекст исследований «кавказского текста» и новейшей военной прозы. Анализ научных работ позволяет выделить несколько устойчивых направлений интерпретации произведения.

Первое направление связано с рассмотрением рассказа в контексте классической традиции «кавказского пленника». Исследователи отмечают, что Маканин сознательно отсылает к корпусу текстов XIX века (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой), однако принципиально меняет смысловые акценты. С. С. Имихелова подчёркивает, что у Маканина Кавказ перестаёт быть пространством романтической экзотики и нравственного

испытания героя, превращаясь в зону «застревания», где утрачивается возможность выхода из конфликта [4]. М. В. Шаройко рассматривает рассказ как пример трансформации традиционного мотива плена: если в классической литературе плен часто служил этапом нравственного роста, то у Маканина он оборачивается этической катастрофой, не имеющей утешительного разрешения [9]. Таким образом, интертекстуальная связь с традицией носит полемический характер.

Значительный пласт исследований посвящён анализу концепта «плен» в прозе Маканина. В. Б. Волкова предлагает рассматривать плен не только как сюжетную ситуацию, но и как культурно-философскую категорию, отражающую состояние несвободы, в котором оказываются все участники военного конфликта [1]. В этом контексте «кавказский пленный» — не только юноша-горец, но и сами солдаты, а шире — человек, втянутый в логику войны. Т. Ю. Климова отмечает, что для Маканина характерна модель «вялой» войны, при которой отсутствуют чёткие цели и границы, а насилие становится частью повседневности, что усиливает внимание к внутренним процессам сознания персонажей и делает этический выбор центральным событием текста [6].

Отдельное направление исследований связано с этической проблематикой рассказа. Н. Иванова подчёркивает, что Маканина интересует прежде всего антропологический аспект войны — трансформация человека в условиях нормализации насилия [3]. В этом контексте «Кавказский пленный» рассматривается как модель предельной ситуации, где нравственное решение не может быть оправдано ни идеологией, ни военной необходимостью. Т. А. Касаткина обращает внимание на тесную связь эстетического и этического в тексте, подчёркивая, что восприятие красоты пленного юноши переводит гуманизм из абстрактной сферы в плоскость личной ответственности героя [5].

Особое внимание в ряде работ уделяется мотиву красоты как ключевому смысловому узлу рассказа. Исследователи подчёркивают, что красота у Маканина утрачивает спасительную функцию, традиционно закреплённую за ней в русской литературе, и становится источником тревоги и внутреннего разлада. По наблюдению В. Б. Волковой, красота одновременно «пленяет» героя и угрожает его безопасности, поскольку разрушает дистанцию между «своим» и «чужим» [1]. Современные авторы также отмечают телесный характер восприятия красоты: взгляд Рубахина на пленного носит не отвлечённо-эстетический, а предельно конкретный, телесный характер, что усиливает трагизм ситуации и подготавливает кульминацию рассказа [10].

Наконец, в ряде исследований анализируется система персонажей и стратегия их названия. Подчёркивается, что различие между Вовкой и Рубахиным имеет не только психологическое, но и символическое значение. Фамилия Рубахин, в отличие от уменьшительного имени Вовка, маркирует дистанцию, ответственность и включённость героя в структуру насилия [9], тогда как безымянность пленного усиливает эффект обезличивания и переводит его образ в символическую плоскость.

Таким образом, обзор научной литературы показывает, что рассказ «Кавказский пленный» рассматривается исследователями как многослойный текст, в котором соединяются интертекстуальная полемика с классической традицией, философия плена, этика выбора и эстетика тревожной красоты. Вместе с тем мотив красоты и его функция в кульминационной сцене убийства требуют более целостного и системного анализа, что и определяет научную новизну данной статьи.

Основная часть. Рассказ Кавказский пленный построен по принципу внешне простого, но семантически нагруженного движения. Солдаты Рубахин и Вовка направляются к своим, чтобы передать информацию, и затем возвращаются тем же путём. Однако композиция «туда — обратно» не замыкается в кольцо: возвращение не восстанавливает исходное состояние, а фиксирует необратимую нравственную утрату.

Уже в начале рассказа движение по горам сопровождается тревожным ощущением открытости и уязвимости: «Среди гор они чувствовали красоту (красоту местности) слишком хорошо — она пугала».

Таким образом, пространство изначально маркируется не как нейтральное, а как опасное. Красота пейзажа не умиротворяет, а усиливает ощущение угрозы, так как открытость равнозначна видимости и, следовательно, возможной гибели. Композиционное движение вперёд оказывается одновременно движением к этической ловушке, выход из которой невозможен.

Важно, что сюжет лишён привычной военной цели: солдаты не участвуют в бою, не совершают подвига, не достигают тактического успеха. Напротив, их путь всё больше приобретает характер экзистенциального испытания, где решающим становится не результат, а выбор, совершённый в процессе. В рассказе «Кавказский пленный» мотив красоты вводится уже в экспозиции и с самого начала приобретает парадоксальный характер. Кавказский пейзаж не выполняет традиционной функции гармонизации или эстетического фона, а становится источником тревоги. Солдаты ощущают красоту гор «слишком хорошо», и это ощущение пугает, поскольку связано с открытостью и видимостью: «Среди гор они чувствовали красоту (красоту местности) слишком хорошо — она пугала».

Красота пространства здесь равнозначна отсутствию защиты. Открытый пейзаж делает человека уязвимым, лишает его возможности укрыться и тем самым превращает эстетическое восприятие в фактор риска. Уже на этом уровне Маканин разрушает устойчивую литературную ассоциацию красоты с гармонией: красота не успокаивает, а предупреждает и обнажает.

Принципиально важно, что мотив красоты в тексте связан не со всеми персонажами, а почти исключительно с Рубахиным. Вовка, находящийся рядом и действующий в тех же условиях, практически не реагирует ни на красоту пейзажа, ни на внешность пленного. Это различие не психологическая деталь, а способ разведения двух типов сознания.

Вовка воспринимает пространство функционально: где пройти, где стрелять, где спрятаться. Его реплики и действия ориентированы на действие и результат; эстетическое измерение для него избыточно. Рубахин же сохраняет способность к неинструментальному взгляду, что делает его положение внутренне более напряжённым и уязвимым.

Ключевым моментом становится перенос мотива красоты с пейзажа на образ пленного юноши. Это происходит через внутреннее осознание Рубахина:

«Юноша был очень красив».

Эта фраза знаменует радикальный сдвиг восприятия. Пленный перестаёт быть абстрактным «врагом» и воспринимается как конкретное человеческое тело и лицо. Красота разрушает военную оптику, основанную на обезличивании противника, и тем самым делает дальнейшее насилие нравственно проблемным.

Важно, что красота пленного не вызывает умиления или жалости в привычном смысле. Она вызывает смущение, тревогу, внутренний разлад, поскольку нарушает необходимую для войны дистанцию. Видеть красоту — значит признать ценность жизни, а значит, взять на себя ответственность за её уничтожение.

Мотив красоты тесно связан с системой именования. Вовка обозначен уменьшительным именем, сохраняющим интонацию «обычного парня», тогда как Рубахин назван фамилией, маркирующей дистанцию и ответственность. Именно Рубахин становится носителем памяти и осознания, о чём прямо говорит автор: «Красота постоянна в своей попытке спасти. Она окликнет человека в его памяти».

Этот «клик» адресован не всем, а именно тому, кто ещё способен слышать. Вовка не слышит его, потому что полностью встроен в логику войны. Рубахин слышит — и

потому оказывается в трагически более тяжёлом положении.

В кульминационной сцене мотив красоты достигает предельного напряжения. Рубахин вынужден действовать в ситуации, где любое промедление грозит гибелью. Однако Маканин принципиально снимает с пленного активную вину: «Он открыл рот, но ведь не кричал. Он, может быть, только и хотел глубже вдохнуть».

Убийство совершается не как реакция на агрессию, а как предотвращение возможной угрозы. Именно поэтому финальная формула приобретает программное значение: «Сдавил; красота не успела спасти».

Красота здесь не отменяет насилие, но делает его максимально осознанным. Убийство совершается не в неведении, а при полном понимании ценности уничтожаемой жизни.

В итоговой перспективе мотив красоты в рассказе выполняет функцию нравственного напоминания, не обладающего спасительной силой. Красота не предотвращает убийство и не разрушает логику войны, но сохраняется в памяти как знак утраченной человечности. Именно поэтому её видит только Рубахин — персонаж, ещё не полностью утраченный для мира вне насилия.

Таким образом, красота в рассказе Маканина становится не альтернативой войне, а мерой трагического сознания. Она выявляет предел, за которым гуманистические ценности сохраняются лишь в памяти и внутреннем опыте, но не могут изменить ход событий. В этом заключается принципиальная новизна авторского решения и его отличие от классической традиции.

Анализ показывает, что в рассказе Маканина мотив красоты, система имен и композиция движения образуют единую этико-поэтическую структуру. Красота функционирует как форма нравственного напоминания, но не как защита; имя становится маркером степени включённости в логику войны; убийство предстает не как подвиг или преступление, а как трагический выбор, не имеющий оправдания.

Заключение. Рассказ «Кавказский пленный» В. С. Маканина выстраивается как целостная художественно-этическая модель войны, в центре которой находится мотив красоты, лишённый традиционной спасительной функции. Анализ показал, что красота в тексте не противопоставляется насилию как гармоничная альтернатива, а включается в саму структуру военного опыта, становясь формой нравственного испытания и внутреннего сопротивления дегуманизации.

Принципиально важно, что способность видеть и ощущать красоту принадлежит в рассказе не всем персонажам, а исключительно Рубахину. Это избирательное распределение чувствительности позволяет Маканину развести два типа существования на войне: функционально-адаптивный (Вовка) и нравственно-рефлексивный (Рубахин). Красота оказывается не универсальной ценностью, а признаком сохранённой связи с миром вне насилия, что делает её не преимуществом, а источником уязвимости и ответственности.

Перенос мотива красоты с пейзажа на образ пленного юноши разрушает военную оптику обезличивания и делает кульминационный акт убийства предельно осознанным. Именно поэтому красота в рассказе не предотвращает насилие, а усиливает его трагизм: убийство совершается не в состоянии аффекта или неведения, а при полном понимании ценности уничтожаемой жизни. Формула «красота не успела спасти» фиксирует предел гуманистического потенциала эстетического в условиях войны.

Таким образом, мотив красоты в рассказе «Кавказский пленный» выступает не как декоративный элемент и не как философская абстракция, а как ключевой структурообразующий и этический механизм текста. Красота становится мерой остаточной человечности, доступной лишь тому, кто ещё способен видеть, помнить и понимать — и именно поэтому вынужденному нести максимальный груз ответственности. В этом заключается трагическая глубина рассказа Маканина и его устойчивое значение для

осмысления военного опыта в современной культуре.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волкова В. Б. Концепт «плен» в «кавказской» прозе В. С. Маканина: интертекстуальная парадигма // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6.
2. Волкова В. В. Пространственно-временная модель концепта «война» в «кавказской» прозе В. С. Маканина // Новое литературное обозрение. 2012. № 116.
3. Иванова Н. Случай Маканина // Знамя. 1997. № 4.
4. Имixelова С. С. Русский человек на Кавказе в литературе XIX и XX вв.: материалы к изучению рассказа В. Маканина «Кавказский пленный» // Вестник Бурятского государственного университета. 2018.
5. Касаткина Т. А. «Но страшно мне: изменишь облик ты...»: заметки о прозе В. Маканина // Новый мир. 1996. № 4.
6. Климова Т. Ю. Метанарративные стратегии прозы В. Маканина // Филологические науки. 2010. № 5.
7. Маканин В. С. Кавказский пленный // Новый мир. 1995. № 4.
8. Малькова А. В. Художественная трансформация классических сюжетов в русской прозе конца XX – начала XXI века: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011.
9. Шаройко М. В. Рассказ В. Маканина «Кавказский пленный»: трансформация литературных доминант традиционного мотива // Наследие веков. 2017. № 2.
10. Шульженко В. А. «Кавказский текст» в русской литературе XX века: поэтика и идеология // Вопросы литературы. 2013. № 4.